К. М. Гудков

Бездомность в эпоху конструктивизма

Константин Михайлович Гудков — историк, независимый исследователь, соавтор телеграм-канала «Центр 1931». **Электронная почта:** kmgudkov@gmail.com.

Аннотация: В статье представлены свидетельства, позволяющие рассмотреть существование явной и скрытой бездомности в СССР 1920–1930-х гг. через описания нормальности пространств, которые занимают люди, не имеющие обычного жилья. Рассмотрена дискуссия вокруг первых государственных проектов решения проблемы бездомности и нищенства. Предлагается выход за пределы репрессивной модели объяснения работы с бездомностью в СССР. Проанализированы проекты конструктивистских домов ночлега.

Ключевые слова: бездомность, скрытая бездомность, ночлежка, приют, конструктивизм, жилищная кооперация, социальное обеспечение, сталинизм

Для цитирования: *Гудков, К. М.* Бездомность в эпоху конструктивизма // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 155–181.

Введение

Важной движущей силой для работы исследователей советской бездомности является желание «заглянуть в закулисный мир советского проекта» [Зубкова, 2013, с. 289]. При этом целостной истории бездомности в СССР ещё только предстоит быть написанной. Подбор инструментария для этой работы должен включать отказ как от модернизирующего взгляда современной публицистики, так и от воспроизведения дискриминирующих бездомных людей шаблонов мышления, взятых из языка сталинских источников. Особенностью нашего сегодняшнего взгляда на историю советской бездомности является его фрагментарность. Так, одна из наиболее полных и глубоких работ, затрагивающих тему российской бездомности, книга социолога Светланы Стивенсон, фокусируется на постсоветском периоде, ставя основной целью изучения предшествующего времени поиски объяснений для настоящего [Stephenson, 2006]. Разбирая механизмы вытеснения из физического и социального пространства, Стивенсон анализирует репрессивную работу советского государства и приводит множество общих для советской и современной власти практик. Историк Елена Зубкова фокусируется на послевоенном периоде, изучая советское нищенство [Зубкова, 2013]. Нищенство, как можно заметить, — это явление, которое в работах многих исследователей пересекается с темой бездомности, однако анализ их общих и отличительных исторических черт ещё предстоит сделать.

Немало работ традиционно, ещё с советского времени, посвящены детской беспризорности. Без рассказа о ней не обходится ни одна большая книга о советской истории 1920–1930-х, например, эту тему затрагивает Шейла Фицпатрик в своей работе Everyday Stalinism в качестве примера эффектов, которые испытала российская семья. Фицпатрик касается и темы изгоев (outcasts), однако, в их число попадают в основном лишенцы и кулаки, что также иллюстрирует рассказ о репрессивной политике государства [Fitzpatrick, 1999]. Взрослая бездомность оказывается то ли слишком мелкой, то ли слишком сложной темой, и к тому же неясно, следует ли рассматривать взрослую бездомность как одно явление с детской и подростковой беспризорностью, либо это явления разные, либо пересекающиеся (в чём и как?).

Разумеется, одна из проблем здесь в самом языке — в 1920–1930-е публично и тем более в государственных документах, на которые опираются многие исследователи, практически не использовалось слово «бездомный», не говоря уже о современных и советских довоенных критериях бездомности, которые мы должны «переводить». Ещё одной принципиальной сложностью является поиск свидетельств о бездомности в источниках за пределами специальных ситуаций государственной «борьбы» с ней. Следование этим источникам неизбежно приведёт нас к формированию «тоталитарной» интерпретации истории советской

бездомности. Я задался вопросом, можем ли мы разработать больше материала, отражающего ситуацию «снизу», а также выявить больше акторов и представить более плюралистичную картину советского общества, стремящегося решить проблему бездомности. В этой статье будут использованы несколько источников, обнаруженных случайно, на протяжении нескольких лет и в ходе разных исследовательских проектов, связанных с изучением архитектуры и общества 1920–1930-х. Эти случаи дадут нам необходимый материал для взгляда на советскую бездомность снизу, что позволит высветить скрытые и непроговоренные проблемы, связанные с отсутствием дома у советских граждан 1920–1930-х. Помимо них, в этой работе будут рассмотрены первые дискуссии в СНК РСФСР о помощи бездомным, которые проходили на протяжении второй половины 1920-х гг. при участии представителей самых разных вовлечённых ведомств — от Наркомата соцобеспечения до НКВД и НКПС. Этот ранний этап даст нам возможность представить себе, как шёл поиск идей и творческое конструирование модели работы с проблемой бездомности с документированным вовлечением многих участников ещё до того, как сцементировался официальный советский нарратив про борьбу и победу над бездомностью.

Я благодарю Александра Дуднева за предоставленные источники из жизни бездомных советских кооператоров, Дарью Байбакову за помощь в понимании функций и пространственной организации учреждений и зданий, существующих для помощи бездомным людям в России сегодня, а Шанинку за предложение обратить внимание на эту тему, которое привело меня к докладу и этой статье. Мне бы хотелось, чтобы она внесла небольшой вклад в изучение советской бездомности, а также показала возможности работы в духе «архитектурного поворота» в исследованиях советского, который, как мне кажется, может быть продуктивен — например, если использовать богатые материалы о проектировании и строительстве 1920–1930-х годов, изучать участников, движущие силы, язык и результаты этих процессов, чтобы лучше понять советское общество этого времени.

Ящики, овощехранилище, аптека

В какой-то момент я задумался о том, что моя будущая бабушка, тогда 16-летняя Анна Старшинова, приехав в Москву в 1936 г., чтобы поступить в ФЗУ при фабрике «Красный Октябрь», снимала угол в комнате коммуналки у дальней родственницы. Была ли она бездомной? Интуитивно мы скажем, что нет. Вероятно, что так сказала бы и она. При этом сегодня мы такую ситуацию представить как вариант своего жилья вряд ли готовы, а в некоторых странах разного рода «невыносимые» условия жизни входят в определение бездомности. Однако

мы также знаем, что человек — существо приспосабливающееся, и то, что нам казалось вчера неприемлемым, сегодня может становиться нормой. А мнение стороннего наблюдателя, который определяет состояние исторического героя как бездомность, может не совпадать с самоощущением самого этого героя. Этот мысленный эксперимент наводит на идею о том, что границы между домашностью и бездомностью могут легко подвергаться переоценке, которая может быть более надёжным предметом изучения, чем «объективная» бездомность. А пример исследования Светланы Стивенсон позволяет предположить, что «пересечение черты» (признание необратимости своего асоциального статуса) может в аналогичной, пусть и более мягкой форме, происходить и в ситуациях признания той самой «скрытой» бездомности. До такого признания, она оказывается скрытой не только государством от общества или обществом от критического взгляда исследователя, но и самим «скрыто бездомным человеком» от себя.

Ниже мы рассмотрим несколько примеров, которые позволят нам глубже заглянуть в то, как определялась норма или ненормальность в отношении условий жизни в советские 1920–1930-е. Примеры будут касаться Москвы, что конечно является ограничением, но позволяет подобрать сопоставимые случаи.

№ 1. Случай в домике из ящиков. В 1928 г. на окраине Замоскворецкого района Москвы санитарным надзором был «случайно обнаружен… посёлок из 20 домиков» [Случайно обнаружен…, 1928, с. 2]. Домики, которые в сообщении называют хибарками, стояли вплотную друг к другу и были выстроены из «самого разнообразного материала, даже из деревянных ящиков, а крыши из набросанных кусков железа, толя и фанеры». Средняя площадь хибарки составляла 8–10 метров, при этом в одной хибарке на площади в 11 кв. м жили 6 человек, в другой, на 6 кв. м — 4 человека. «Везде сырость, вентиляция отсутствует. На всей территории посёлка нет ни уборных, ни выгребных ям, и почва кругом загрязнена уже гниющими отбросами». Обитателями посёлка оказались рабочие расположенных вблизи фабрик, а также учащиеся, железнодорожники, безработные, всего около 100 человек. Обследователи выяснили, что «<н>икто из них не имел раньше собственной жилплощади; все они жили по несколько лет у родных, знакомых, ютились на кухнях, чердаках и даже сараях. Есть, между прочим, среди них члены жилкооперативов с 2-летним стажем. Потеряв надежду на получение площади от РОУНИ и Жилкоопа, все они занялись строительством: большая часть построек воздвигнута личным трудом обитателей и оценивается застройщиками в сумме от 60 до 400 рублей. Есть уже случаи перепродажи хибарок».

Замечательно, что «обнаружение» посёлка было на самом деле чем-то вроде «открытия Америки» — «<п>осёлок имеет, между прочим, собственного старосту, при посредстве которого сносится с милицией». Также указывается, что «<д>ругой такой посёлок (только

поменьше) возник близ фабрики б. Вогад (вероятно, Вогау. — К. Г.)», то есть само явление точно не было «скрытым» от городских властей. Ещё один подобный посёлок можно обнаружить на подборке фотографий из Шелепихи, хранящейся в Центральном государственном архиве (ЦГА) г. Москвы без дополнительных пояснений [ЦГА г. Москвы, №:№: А-2-7367, А-2-7368, А-2-7369, А-2-7370, А-2-7371.]. А практика анархического по сути коллективного захвата земли явочным порядком не просто не была советским изобретением, анонимный автор (или авторы) статьи сразу же определяют посёлок как «новую „Нахаловку“», отсылая к нескольким аналогичным посёлкам, возникшим во второй половине XIX века сразу в нескольких городах Российской Империи. Вероятно, первый из них — Нахаловка в Ростове-на-Дону, возникшая в 1850–1860-е годы (при этом ещё до неё самозахватом в том же городе появился район Богатяновка, а после — Бессовестная слободка). Под названием Нахаловки возникают районы самостроя в Тифлисе (Тбилиси) в 1880-е, в Ново-Николаевске (Новосибирск) в 1890-е и др. местах, и название становится нарицательным.

В отличие от всех остальных «нахаловок», посёлок близ Зелёных Гор по описанию выглядел как временный, не предназначенный для жизни. В то время как, например, в Нахаловке в Ростове-на-Дону основную часть жилья составляли перевезённые хатки, и ещё в 1880-е городские власти приложили усилия к упорядочиванию улиц и благоустройству. Все перечисленные дореволюционные «нахаловки» выросли в обычные районы и существуют до сих пор. В советской же Москве комиссия признала подобное строительство недопустимым ввиду «отсутствия дорог, возможности затопления посёлка в весеннее время, возникновения эпидемических заболеваний, пожаров и т. д. и постановила принять меры к немедленному прекращению застройки этого и других подобных посёлков, выселить жильцов из их хибарок (которые должны быть уничтожены), и предоставить их обитателям жилплощадь» [ВМ, 1928, с. 2]. Таким образом, при схожести низовых практик, реакция государства отличается совершенно: теперь власть считает, что только она имеет право регулировать пространство, хотя бы там, куда может дотянуться.

№ 2. Случай в овощехранилище. Ещё один репортаж в стиле «удивительное рядом». Мы снова на окраине Москвы, на этот раз в Сокольниках — «там, где улицы сменяются пустырями и огородами, раскинулись строения комбината № 10 „Мосплодовощеторга“» [ВМ, 1938]. В попытке разобраться в проблемах с поставками овощей корреспондент невольно обращает внимание, «что некоторые овощехранилища выглядят „кокетливо“: на окнах — кисейные занавески, на подоконниках — горшки с геранью и фикусами. Эта странная картина объясняется просто: в хранилищах живут люди, которым ни Сокольнический райпищеторг, ни „Мосплодоовощторг“ до сих пор не представили жилплощади». Интонация журналиста маркирует

место ситуации между нормой (всё-таки это не шок и даже не сильное удивление) и аномалией (тем не менее, чувствуется, что так быть не должно). При этом вполне представимое сегодня положение с проживанием рабочих на подобном месте работы может навести на размышления об изменении отношения к проблеме бездомности. При том, что неудовлетворительные жилищные условия 100 лет назад и сегодня имеют очень много сходного, в 1920-е рабочие, живущие в хибарке или на овощехранилище ни государством, ни обществом не считалась нормой — провозглашались политические цели по решению жилищного вопроса на государственном уровне, предпринимались действия, направленные на решение проблемы в целом, а государство считало это своей ответственностью. Сейчас подобная ситуация вряд ли привлечёт внимание городской газеты, и тем более, проблема поиска места для ночлега является личным делом тех, кто работает на овощехранилище.

№ 3. Случай в аптеке. В ноябре 1931 г. Надежда Крупская получила письмо от машинистки Коллектора массовых библиотек ОГИЗа («Объединение государственных книжно-журнальных издательств») Ксении Рытиковой. Рытикова пишет, что она 1,5 года назад вступила в рабочий жилищно-строительный кооператив (РЖСКТ) «Московское объединение», и свой пай в размере 573 рублей внесла за год, «отказывая себе во всём». Квартиру она до сих пор не получила и ночует «то у одних знакомых, то у других». «Ударница, несу общественные нагрузки. Работать приходится много. Работаю, а в голове всегда одна мысль: „Где я сегодня буду ночевать“. Когда же бывают собрания, они кончаются всегда поздно, тогда я форменным образом ночую на улице. Ночую по вокзалам, аптекам, мыслима ли подобная жизнь для человека, работающего более 12 часов в сутки. … Боюсь заделаться инвалидом, а работать хочу. А нервы настолько издёрганы, что я боюсь или скорого помешательства или самоубийства, мысль о котором меня начинает преследовать. Но нет, я не хочу умирать, ведь должна же быть правда. Я знаю, что Вы стараетесь вскрывать всяческие неправильности и бюрократизм, а поэтому обращаюсь к Вам… Ещё раз прошу, не откажите в содействии, т. к. я дитя улицы» [ЦГА г. Москвы. Р-1951. Оп. 11. Д. 6].

В «обнаруженном» посёлке близ Зелёных Гор, как мы помним, тоже были члены жилищно-строительного кооператива, отчаявшиеся получить жильё.

№ 4. Случай в трамвае. Похожая ситуация описывается профессором Белоруссовым в письме в газету «Правда» в октябре 1932 г. (опубликовано исследовательницей истории науки Евгенией Долговой): «Живу в течение полутора лет, ночуя по „конвейеру“ в 3–5 местах по очереди, не раздеваясь. Научная работа проводится на бульварах, в трамваях, случайных комнатах. Семья в том же положении. Я в партии 13 лет, активно участвовал в Октябрьской революции, член секции научных работников с 1923 года. К XV годовщине Октября прошу Ваше-

го вмешательства в это исключительное дело» [ГАРФ. Ф. Р-5462. Оп. 14. Д. 295. Л. 28]. К письму Белоруссов прикладывает ходатайства коллег. Член ВКП(б) Ильин подтверждает, что профессор «ночевал у него, как правило, 1–2 раза в пятидневку сего года до августа месяца», а доцент П. Н. Сергеев дополняет, что «товарищи предоставляют ему ночлег, как обычно, на полу», научной работой Белоруссов занимается, пользуясь «или случайными помещениями или на открытом воздухе в летнее время» [ГАРФ. Ф. Р-5462. Оп. 14. Д. 295. Л. 30, Долгова, 2021].

Как показывает исследователь жилкооперации Александр Дуднев, в механизме работы советских жилстройкооперативов к 1930-м годам возник эффект финансовой пирамиды, связанный с тем, что власть форсировала включение в жилкооперацию малообеспеченных рабочих [Дуднев, готовится к печати]. Так что ситуации с неисполнением ожиданий кооператоров по получению жилья стали обычными. А по сравнению с рассказом Ксении Рытиковой жизнь в хибарке из строительных отходов уже не кажется такой страшной.

№ 5. Случай в туалете. Бездомным сложно ожидать многого от внутренних социальных связей — очевидно, что сами связи слабы, а ресурсов, мягко говоря, немного. Поэтому вдвойне ценными оказываются связи в других сообществах. Под Рождество 1929 года в Правление дома № 4 по Подколокольному переулку поступает обращение от председателя Всероссийского общества ассирийцев Самсона Пираева. Пираев пишет: «В доме В<ашем> освободилось маленькое холодное, полужилое помещение, которое вероятно не захочет занять ни один член В<ашего> Жилтоварищества. Ассириец Саркиз Николай Амерханович находится сейчас в невероятно тяжёлых жилищных условиях, т. е., вернее, никакого жилища не имеет, проживает по парадным-коридорам с семьёй и малолетним ребёнком. В силу своего материального положения он не в состоянии снять где-либо угол под жильё по спекулятивным ценам, т. к. он занимается чисткой обуви, а заработок от этого ремесла весьма невелик» [ГАРФ. Ф. Р3302. Оп. 1. Д. 138. Л. 50 и 50об.]. Неизвестный член Правления жилкооператива направляет запрос в Народный суд Рогожско-Симоновского района: «В Жил<ищно-арендном> Тов<ариществе> № 503, д. № 4 по Подколокольному пер. освобождается на днях маленькое помещение полужилое размером не более одной сажени, переделанное из общей уборной на холодной чёрной лестнице. По существу это помещение нельзя признать жилым, и оно едва ли может быть использовано домоуправлением для жилья своих жильцов, но по формальным соображениям Правление не может пустить в него постороннего человека. Так вот я обращаюсь к Вам с частной просьбой сделать всё возможное к вселению в эту комнату гр. Саркиз Николая Амерханова, положение которого Вы узнаете от него самого. Я могу добавить только, что из чувства „гуманности“ Правление не будет протестовать против возможного его вселения в указанное помещение распоряжением Нарсуда» [ГАРФ, там же].

Мы должны оценить солидарность, которую проявил член Правления кооператива, согласившись поселить бездомного человека в свой дом. При этом мы обращаем внимание, что сам автор берёт слово гуманность в кавычки, то есть «говорит по-большевистски», отдавая себе отчёт в том, что благотворительность — это паллиатив. Гуманность без кавычек означала бы признание, что сами члены кооператива не считают для себя нормальным жить в туалете, но при этом для человека из другой социальной группы это может быть нормально или даже очень хорошо. С точки зрения большевика, проблема бездомности должна быть решена только радикальным способом — коммунистическим переустройством мира, ликвидацией государственного устройства, воспроизводящего неравенство. Пока светлое коммунистическое будущее не наступило, приходится прибегать как к благотворительности, так и к использованию этнических сообществ, что для советского общества в 1928 г. выглядит не вполне обычно, но тем более интересно, отражая, вероятно, только редкий случай институционализированной этнической солидарности, но вполне себе можно представить, что не уникальный. Подобные формы взаимной поддержки хорошо известны по дореволюционному опыту, близко к ним находятся и землячества.

Социалистическая бездомность

Подводя итог выявленным нами историям про (скрытую) бездомность в СССР, мы можем разложить эти и не вошедшие в эту статью случаи по степени восприятия ситуации рассказчиками — как находящейся близко к условной «черте», когда скрытая проблема бездомности становится явной. Итак, из ситуаций, которые в свидетельствах описывались как однозначно неприемлемые, отчаянные и трагические, мы можем назвать: ночлег или жизнь на улице, ночлег в местах общего пользования (вокзалы, аптеки, транспорт), ночлег «по конвейеру» у друзей (часто на полу и т. п.).

С другой стороны, ряд ситуаций находится в «серой зоне». Описывая их, как сами герои, так и наблюдающие их люди (ведь между ними нет разницы, «черта» ещё не пройдена) хоть и видят положение как не совсем нормальное, и признают или требуют улучшений, но не воспринимают ситуацию как критическую и требующую неотложного вмешательства. К таким ситуациям, располагая их от тёмно-серого к светло-серому краю спектра, можно отнести: жизнь в подобиях жилища (старые вагоны, баржи и т. п.), жизнь в подвалах, чердаках и пр. «полужилых» помещениях, жизнь в самострое (обычно ветхом, как в случае посёлков из строительных отходов), жизнь в оставленных строительных бараках, других постройках под снос (или даже частично снесённых), жизнь в

недостроенном жилье (в одном таком случае строители жили во вчерне построенном корпусе дома, в то время как строительство другого корпуса затянулось, в другом — в подвале строящегося дома), жизнь в производственных помещениях (вроде овощехранилища), жизнь в крайне перенаселённом жилье (в одном случае жители нового дома укладывались особым способом восьмером на полу одной комнаты). Если сюжеты «чёрного» спектра мы встречаем в жалобах, требованиях, они привязаны к институциям, отвечающим за проблему жилья, то варианты «серого» могут вполне быть случайными наблюдениями, такие свидетельства исследователю обнаружить сложнее.

Что касается содержания описанных сюжетов, из анализа этого спектра советской бездомности 1920–1930-х мы можем предположить, что восприятие ситуации как не вполне нормальной, но и не драматической, соответствует положению, когда человек может днём распоряжаться своим пространством, пусть сколь угодно плохого качества. Напротив, даже относительно хорошие условия ночлега (как в квартире знакомых) в отсутствие своего нормального пространства днём являются катастрофической ситуацией.

Эти рассуждения о природе дома, а не самой бездомности, можно продолжить в направлении понятия жилья в советском коллективистском контексте. С одной стороны, оно конструируется как новое пространство с обобществлённым бытом (в пределе или идеале — как дом-коммуна), с другой — параллельно с общим для модерных обществ XIX–XX вв. контекстом всё ускоряющейся мобильности — миграцией, утратой корней и космополитизмом, развитием транспорта как места, где человек ежедневно проводит существенную часть времени, либо может находиться несколько дней подряд (как в поездах). Для советского архитектора Эль Лисицкого купе поездов и каюты пароходов — эстетический идеал квартиры. В статье «Культура жилья» Лисицкий пишет: «Мы должны <преодолеть> мещанский идеал „мой дом — моя крепость“. <…> Развитие… транспорта… вырвало нас из старой обстановки и сделало опять полукочевниками» [Эль Лисицкий, 1926].

Здесь мы также можем вспомнить о готовности советского общества 1920-х мириться с трудностями, связанными с «изучением» новых географических и социальных пространств. Отметим привязку рассказов о самострое к окраинам, которая перекликается с идеей Эммы Уиддис о значимости и интересе к периферии в этот период (она называет его surveying, «изучение»), а также о том, что для этого времени характерно «ментальное открытие» новых пространств, что мы действительно наблюдаем в цитированных донесениях «обследователей» как раз в момент, когда оно перестраивается в требование централизованного «освоения» (conquest по Уиддис) [Widdis, 2003], [Горбачёв, 2018].

Ещё одну версию переизобретения пространственно-временной концепции дома демонстрирует высшее советское руководство во

главе со Сталиным, который проводит ночи, работая в своём кабинете, Кремль как бы становится его символическим домом, а руководители по всей стране подражают ему, также проводя ночи на рабочем месте. И дело не только в том, что подобный трудоголизм признаётся доблестью начальством. Мы встречали совершенно искренние рассказы о том, как молодые советские архитекторы по нескольку дней не уходили из проектного бюро, увлечённые своей работой.

Эти размышления предполагают, что контекст для обсуждения отсутствия прежнего «дома» предоставлял возможности для изменения своего собственного отношения к старому понятию «дома» и также «бездомности». Он не давил на советских граждан обязательным требованием иметь собственное жильё в виде общественного ожидания, требования успеха или долга перед семьёй, часто относя это в перспективу будущего, что могло влиять на более оптимистичное восприятие собственного статуса в «серой зоне». Сегодняшний контекст презентизма и отсутствия общественной картины будущего, напротив, заостряет требование к обладанию собственным жильём прямо сейчас.

Помощь бездомным, борьба с бездомностью и с «взрослыми беспризорными»

Правда ли, что в СССР боролись с бездомными, а не с бездомностью? А советское государство неизбежно должно было прийти к репрессивной модели контроля за телами граждан и пространством? Такое заключение можно сделать, изучая многочисленные работы, в которых оптика исследователя нацелена на запретительную систему, выстроенную в СССР с возвращением внутригражданских паспортов после 1933 г. [Жирнов, Смородин, 2003], [Байбурин, 2018].

Задачей этой главы будет изучить начальные этапы дискуссии о проблеме бездомности, которая происходила в руководстве РСФСР и СССР во второй половине 1920-х, когда важные решения ещё не были приняты, и мы можем увидеть более сложную картину и палитру идей, отражающую различные концепции внутри советской социалистической модели.

По-видимому, первой в советской истории попыткой построить системную работу с бездомными людьми был проект Наркомата социального обеспечения (НКСО, Наркомсобес). В конце 1925 г. НКСО разработал Проект постановления Совнаркома РСФСР «О мероприятиях по оказанию помощи лицам, впавшим в нужду и по борьбе с нищенством» [ГАРФ. Ф. А259. Оп. 9б. Д. 757. Л. 1]. Из формулировки видно, что НКСО рассматривал помощь в качестве парадигмы работы с теми гражданами, которые оказались «в затруднительном положе-

нии», для их обозначения в проекте постановления вводится неологизм «беспризорные взрослые». «Взрослая беспризорность» выглядит как биополитический термин, очевидно сконструированный по аналогии с детским понятием, и отражает социальную несамостоятельность, «детское» по отношению к власти («взрослому»), требующее надзора положение бездомных. При этом с нищенством, под которым далее в тексте подразумевается профессиональное, предполагалась борьба. Само по себе слово борьба по отношению к нищете и бездомности использовалось и до революции, но в советском контексте получило ещё, по-видимому, классовый оттенок.

НКСО указывает на относительное улучшение в деле обеспечения основного контингента (инвалидов Гражданской войны и членов семей погибших красноармейцев) и на общее укрепление финансового положения, что должно позволить направить усилия на борьбу с «одной из наиболее серьёзных наших социальных болезней» — беспризорностью и нищенством, которые являются «главным рассадником преступности» [Там же, Л. 2].

Среди практических мер, предложенных Наркомсобесом для лиц, впавших в нужду, — организация распределителей, убежищ временного пребывания, при которых должны быть организованы приёмник-изолятор, баня, парикмахерская, амбулатория со стационаром, справочное бюро и интернат [Там же, Л. 3]. Помощь будет заключаться в следующем: а) выдача единовременного пособия; б) помещение в дома больничного типа; в) помещение в специальные закрытые дома с трудовым режимом и мастерскими; г) отправление на родину или к месту постоянного жительства [Там же, Л. 3об.]. Для профессиональных нищих, «систематически уклоняющихся от предлагаемой им трудовой помощи или от помещения в учреждения больничного типа», предлагается принудительное помещение в дома с трудовым режимом, больницы, включая психиатрические, либо административная высылка НКВД.

Проект НКСО наделяет ведомство ответственностью за оказание помощи лицам, впавшим в нужду и борьбу с нищенством, а также предполагает, что руководство займется разработкой мероприятий и их координацией. В специально организованных на местах постоянных комиссиях с участием представителей здравоохранения и др. Наркомсобес должен наладить работу других органов, таких как местные исполкомы, на которые при этом возложена ответственность за бюджет.

В состоявшемся обсуждении большого и, очевидно, затратного проекта Наркомфин оказался единственным ведомством, у которого не возникло возражений на предложения Наркомсобеса [Там же, Л. 19]. Т. е. проблемными оказались не вопросы бюджета. Так, главными претензиями Наркомюста стали совершенная недопустимость мер административного принуждения как в смысле помещения лиц, впавших в нужду по стечению неблагоприятных обстоятельств

в дома с трудовым режимом, так и удержания их там помимо их воли. «Вступление и выход должны быть свободны, зависеть от самих нуждающихся» [Там же, Л. 20об.]. НКЮ прямо называет интернированием принудительное помещение профессиональных нищих в дома с трудовым режимом и указывает, что такая мера может быть исключительно ограниченной по максимальному сроку и применяться не иначе, как по приговору суда, «на основании особой, пока не существующей, статьи Уголовного кодекса» [Там же, Л. 21].

НКВД в своём отзыве приветствует цели оказания помощи, как трудовой, так и лечебной, и требует отказаться от применения «административных репрессий» к нищим и лицам, впавшим в нужду. НКВД указывает, что административная ссылка не может служить средством борьбы с социальным паразитизмом, т. к. она, в этих случаях, кроме возможности ошибок и больших расходов, не даст никаких результатов. Высланные из одной местности будут продолжать свою деятельность в другой, тем более, что на новом месте они будут лишены жилищ и обычных условий. Поэтому такие меры лишь приведут к развитию преступности. НКВД считает нецелесообразным принудительное помещение в дома с трудовым режимом или лечебные заведения, т. к. это «потребует больших средств, людей для охраны и т. д.» [Там же, Л. 22]. Наркомздрав в отзыве за подписью Николая Семашко обращает внимание, что проект предусматривает устройство убежищ закрытого характера с амбулаторией, стационаром и пр., «т. е. такой тип учреждений, который по своему устройству и внутреннему режиму приближается к структуре мест заключения». НКЗ называет совершенно нецелесообразным объединение в одном общем учреждении здоровых нуждающихся и нищенствующих с больными, указывая, что хронически больные и нетрудоспособные, а особенно душевнобольные, должны находиться в соответствующих медицинских учреждениях, где им сотрудниками органов здравоохранения был бы обеспечен надлежащий уход.

Наркомтруд протестует против не соответствующего закону предложения направлять фонды соцстраха на подобный проект. Ведомство, к которому относится и Главсоцстрах, сетует, что «контингент лиц» в проекте не описан: «Ведь по существу получать помощь на основании этого проекта будут лица деклассированные, оторванные от какого-либо труда и лишённые большей частью даже каких-либо личных документов, т. е. лица, которые никоим образом застрахованными являться не могут» [Там же, Л. 29]. Моссовет сообщает, что расход «в виду огромного количества нищих и впавших в нужду лиц ляжет непосильным бременем не только на органы Собеса, но даже на весь местный бюджет» [Там же, Л. 25]. Президиум Моссовета предлагает борьбу с беспризорностью и нищенством производить в общегосударственном масштабе с отнесением соответствующих расходов на счёт госбюджета [Там же]. Наконец, Народный комиссариат путей

сообщения (НКПС) просит «конкретизировать понятие „беспризорный взрослый“, так как такового понятия до сего времени не имеется» [Там же, Л. 28]. К взрослым целесообразнее, по мнению НКПС, применить наименование «бездомный».

Мы можем обратить внимание на почти единодушное (кроме СНК и с его подачи, НКСО) отношение участников совещания к бездомным и нуждающимся людям как к полноценным гражданам, лишь временно находящимся в ситуации нужды, но не как к определённой социальной категории, обладающей некими свойствами. Этот дискурс в целом можно назвать либеральным, выделяющим права граждан как важнейшую ценность. Лишь для стороны Наркомсобеса и Наркомтруда с Главсоцстрахом люди в нужде — «контингент» и объект для работы. Обратим также внимание, что нуждающиеся люди никем из участников дискуссии не рассматриваются с марксистских позиций как сторона в социальных отношениях, оказавшаяся жертвой социальной несправедливости. Такая модель, очевидно, уже не может играть той объяснительной роли в производстве нищеты, которая отводилась ей в описании капиталистического классового общества. Признаки новой объяснительной конструкции выглядят довольно условными — для начала 1926 г. риторика о «стихийных и социальных бедствиях» в стратегическом документе вряд ли выглядит убедительно.

В итоге СНК отвергает идею проекта НКСО и взамен постановляет подготовить секретный циркуляр Центральным исполнительным комитетам автономных республик РСФСР, краевым, областным и губернским исполнительным комитетам РСФСР о порядке борьбы с нищенством, который снова готовит НКСО [ГАРФ. Ф. А259. Оп. 40сч. Д. 769. Л. 4.]. Циркуляр проходит несколько кругов обсуждения и из большого централизованного проекта превращается в короткую записку, которая рассылается губернским властям с призывом обратить внимание на проблему бездомности [ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 1. Д. 3429. Л. 10.]. Из всей дискуссии наиболее примечательна позиция НКВД, который снова выступает против репрессий по отношению к нищим: «главная масса нищих, не профессионалов, состоит из лиц, или лишённых трудоспособности и вследствие своей инвалидности и недостаточной помощи органов НКСО, прибегающих к нищенству, или лишённых трудоспособности, но не могущих получить социального обеспечения вследствие формальных требований закона, напр., старики, старухи, прислуги, прачки и т. п.» [ГАРФ. Ф. А259. Оп. 40сч. Д. 769. Л. 30б.]. НКВД призывает расширить оказание помощи инвалидам и отказаться от «строгой формальности закона» в случаях, когда бывшие работники по найму обрекаются на нищету из-за несоответствия прописанным требованиям.

В итоговом заключении юрист-консультант Совнаркома Абрам Золотаревский подчёркивает, что нищие — элемент не социально-опасный, а социально-обиженный, в связи с чем проблема должна

решаться не отдельными наркоматами, а верховными органами Советской власти — ВЦИК и СНК [Там же, Л. 14–15об.].

Таким образом, «переложив» всю ответственность за проблему на региональные власти и не выделив требующегося финансирования, центральный государственный орган, видимо, счёл свою работу выполненной. На уровне наркоматов в середине 1920-х работали профессионалы, которые аргументировали свои действия технократическими и идейными соображениями легалистского и либерального плана. Они были способны генерировать оригинальные идеи, использовать дореволюционный опыт и вырабатывать решения с учётом аргументов различных сторон. При этом решения, принимаемые на высшем уровне, характеризуются «делегированием» проблемных решений на места и склонностью к принятию более жёстких и ориентированных на принуждение решений. Социальные органы мыслят в категориях «распределения благ».

Единственным проявлением логики, напоминающей марксистскую, является разработка плана по борьбе с «профессиональным» нищенством и проституцией, которым заняты НКВД и Социально-культурная секция Госплана РСФСР [ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 65. Д. 32. Л 1–4.]. Воктябре 1926 г., то есть уже после свёртывания «большого» проекта НКСО, и до организации ГУЛАГа, НКВД предлагает разделить ответственность за борьбу с нищенством и проституцией между НКСО, НКТрудом и НКЗдравом, чтобы заняться профилактическими мероприятиями, включая мероприятия по изжитию основных причин, порождающих эти явления — безработицы, недостаточности заработка, венерических болезней и т. п. НКВД предполагает, что для этой цели со стороны указанных ведомств должны быть созданы соответствующие учреждения, в коих впавшие в нужду граждане могли бы получить и материальную, и моральную поддержку. С другой стороны, для своей работы НКВД выделяет лиц, избравших указанные занятия как профессию и «настолько морально разложившихся, что возвращение их в трудовую среду возможно только путём принудительного трудового воспитания посредством известной изоляции их».

Для борьбы с профессиональным нищенством и профессиональной проституцией, в качестве «мер социальной защиты от паразитического элемента», НКВД считает необходимым организацию трудовых колоний с применением в них неквалифицированного принудительного труда: это сельскохозяйственные колонии, а также фабричные производства с простейшим оборудованием — кирпичные заводы, торфяные разработки, пошивочные мастерские и т. п. Колонии организуются в отдалённых местностях — северных губерниях, Сибири и Юго-Востоке, в одной колонии содержатся 100 человек. Срок пребывания в колонии, как общее правило, не ниже года. Содержание колоний осуществляется на государственные средства по смете НКВД с учётом доходов колоний от продукции последних.

Труд колонистов, бесплатный или с оплатой в размере 10–15% от профессиональных ставок. Принимая во внимание приблизительные данные НКСО о числе подпадающих под понятие элемента подлежащего ведению НКВД — 5000 человек в год, а равно приблизительного количества таких же профессиональных проституток — 3500 человек, следует, что таковых колоний потребуется 80, что вызовет общий расход в сумме 2.522.000 рублей в первый год. В последующие годы содержание уменьшится за вычетом расходов на оборудование (400 000 руб.) плюс доходы от колоний.

По-видимому, надежда на то, что проблема как-нибудь рассосётся, если отодвинуть её куда-нибудь подальше, не очень сработала. В феврале 1928 г. в Малый СНК поступает обращение Моссовета, который просит помощи, а именно, — организовать мероприятия по борьбе с нищенством на территории прилежащих к Москве губерний. Моссовет докладывает, что его опыт по борьбе с нищенством и взрослой беспризорностью с мая 1926 г. выявил ряд вопросов, требующих урегулирования. Главная проблема, по мнению московских властей — «наплыв взрослых беспризорных и нищенствующих» из смежных губерний и районов (Калужской, Тульской и пр.) [ГАРФ. Ф. А391. Оп. 8. Д. 294. Л. 3.]. По статистике Комиссии по борьбе с нищенством при Моссовете, «иногубернские нищие» составляют около 87% от всех, при этом 67% из них приехали в Москву лишь менее года назад. Москва жалуется на необходимость расходования значительных сумм на «эвакуацию иногубернских нищих по месту постоянного жительства» и на содержание тех из них, кто не имеет на родине хозяйства и родственников, в Трудовой колонии.

Несмотря на то, что все губернии высказывают готовность содействовать этому предложению, побеждает «партия репрессий» — СНК заявляет о невозможности возложения дополнительных расходов на местные бюджеты и отклоняет предложение Моссовета о распространении мероприятий по борьбе с нищенством и взрослой беспризорностью (так СНК счёл необходимым заменить термин «бездомность») на другие губернии [ГАРФ. Ф. А259. Оп. 40сч. Д. 901. Л. 48]. В этом же протоколе № 13 СНК предлагает Моссовету вместо этого «усилить борьбу с нищенством и с социально-опасным элементом, хотя и не имеющим судимость», т. е., по сути, расширить судебные репрессивные практики за счёт внесудебных. Наконец, ОГПУ и НКЮ поручается восстановить юридическую практику, применявшуюся согласно Постановлению СНК РСФСР от 14.08.1925 «О мероприятиях по разгрузке г. Москвы от нищих и беспризорных», и распространить такую репрессивную политику на смежные с Московской губернии [Там же].

В это же время в Кабинете изучения личности преступника и преступности при Мосздравотделе начинает работать команда исследователей бездомности, нищенства и детской беспризорности, которая производит анализ исторических данных, собирает собственную

статистику, проводя крупное количественное исследование, и проводит обследование дома для нищих в Сергиевом Посаде. Изучение нищенства сотрудниками кабинета было начато ещё в 1926 г., тогда же, когда проблема была поднята Наркомсобесом. Результатом стало издание подробного сборника в 1929 г. В этой работе можно найти, в частности, рекомендации для совершенствования работы дома для нищих, которые нам интересны с точки зрения их направленности: по составу дома для нищих — разделение профессионалов, впавших в нужду, престарелых, больных; по быту — труд, обучение, помощь, замена принудительного режима свободным, вовлечение в культурную работу; администрация — введение воспитателей-педагогов; самодеятельность — привлечение Комитета призреваемых к работе Дома [Нищенство и беспризорность, с. 259–263].

А всего через несколько месяцев Постановлением II Сессии ВЦИКа XIII созыва (06.05.1928 г. № 47 ст. 349) по докладу НКСО о положении социального обеспечения в РСФСР по пункту 1 ст. 4 признано необходимым развёртывание мероприятий по борьбе с нищенством и проституцией путём организации трудовых колоний и т. п. учреждений с отпуском средств на эту цель по государственному и местным бюджетам. В соответствии с этим к августу 1928 г. НКСО разработал на ближайшее пятилетие план борьбы с общественными аномалиями (нищенство и проституция), в котором предусматривается организация специальных учреждений для вышеупомянутого контингента (трудовые и хозяйственные колонии, распределители и т. д.). После чего уже в третий раз запускается дискуссия между наркоматами с повторением всё тех же основных аргументов.

Как и два года назад, Наркомтруд категорически возражает против участия органов социального страхования в расходах на борьбу с нищенством. Наркомтруд утверждает, что органы соцстраха не имеют никакого отношения к «тому контингенту, который предусмотрен проектом постановления» [ГАРФ. Ф. А259. Оп. 12б. Д. 779. Л. 6]. НКТ «допускает, что часть нищих может быть в течение своей жизни и работала по найму случайно непродолжительное время, но это обстоятельство не даёт совершенно никаких оснований к тому, чтобы органы социального страхования обеспечивали этих лиц» [Там же. Л. 6об.]. НКСО указывает, что до настоящего времени участие как государственного, так и местного бюджета в борьбе с нищенством и бездомностью только «в незначительной степени» покрывали имеющуюся острую потребность [ГАРФ. Ф. А259. Оп. 40сч. Д. 901. Л. 53]. НКСО признаёт, что проблема отнюдь не сводится к узкой группе профессиональных нищих — «основными кадрами нищих и бездомных являются бывшие трудящиеся по найму, не обеспечиваемые по формальным причинам органами Социального Страхования» [Там же]. НКСО утверждает, что «организация колоний трудового типа» показала себя наиболее приемлемым методом борьбы с нищенством и бездомностью, а кроме того,

Илл. 1. Фото из Приложения к Иллюстрированной бытовой газете, 1930, фев. (№ 2).

рекомендует Моссовету вместо покупки инструментов нищим и бездомным применять «коллективное трудовое устройство», под которым как раз имеются в виду колонии и артели [Там же, Л. 530б.].

Секретный протокол заседания ЦИК СССР № 62 от 24 августа 1928 г. постановляет предложить ОГПУ «изъять всех нищих взрослых беспризорных, хулиганствующий элемент в Москве, Ленинграде, промышленных центрах и по линии железных дорог… путём применения высылки, ссылки, отправления на родину и заключения в концлагерь» [ГАРФ. Ф. А259. Оп. 40сч. Д. 901. Л. 17]. В сентябре 1928 г. СНК РСФСР отвергает проект об использовании средств социального страхования в борьбе с нищенством [ГАРФ. Ф. А391. Оп. 8. Д. 286. Л. 11]. В этой же парадигме репрессивных мер по отношению к профессиональным нищим Было принято Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 августа 1929 г. «О мероприятиях по ликвидации нищенства и беспризорности взрослых».

Несмотря на то, что результатом запутанных, и, как кажется, ходящих по кругу дискуссий является не так много действий, мы можем сделать несколько важных заключений: воображение акторов работает в вилке выбора между помощью и соблюдением прав граждан и изоляцией, пространственным исключением тех, кто не признаётся частью советского общества. В отношении этих последних «классово

чуждых» конструируется псевдомарксистская концепция принудительного трудового исправления через ссылку и заключение. Несмотря на последовательный отказ центральной власти в лице СНК и ЦИК от финансирования программ помощи и выбор в пользу принуждения и насилия, множество акторов продолжают указывать на необходимость более справедливого устройства социальных функций советского общества. Можно думать, что их отсроченными итогами стали всё-таки последующие изменения систем социальной защиты.

Конструктивизм против бездомности

В сентябре 1928 г. Московская государственная строительная контора «Мосстрой» по заказу Жилищно-строительной комиссии Моссовета начинает проектировать первый советский Дом ночлега. До этого момента в СССР продолжали работать дореволюционные ночлежные дома, построенные на деньги меценатов и церкви. По-видимому, какое-то время после революции дома ночлега не работали. Заново первый дом ночлега в Москве был открыт в 1922 г., в нём было развёрнуто 960 коек, а к 1927 г. в Москве было пять домов ночлега, число коек было доведено до 4000 [СМ, 1927, с. 9]. В 1930 г. в столице работало уже 10 домов ночлега [Вся Москва, 1930, с. 77].

Утверждалось, что «<с>оветские дома ночлега ничего общего не имеют с домами ночлега довоенного времени», поскольку при их оборудовании принималась во внимание не только «необходимость предоставить бездомным койку, но по возможности удовлетворить и их культурные потребности» [СМ, 1927, с. 10]. При двух домах ночлега функционировали клубы, в остальных были организованы красные уголки. Работали амбулатории с выдачей бесплатных лекарств, столовые и бани. Журнал «Строительство Москвы» приводит такой отзыв австрийских журналистов из газеты «Красное Знамя», которым показали первый московский дом ночлега: «Мы были поражены в СССР колоссальным сдвигом и можем констатировать, что на поприще социальной заботы о гражданах сделано гораздо больше, чем мы, коммунисты, этого ожидали… И в этом доме ночлега мы видели ту же готовность помочь бедным и были поражены товарищеским отношением между администрацией и бездомными» [Там же].

В Ленинграде из работавших на 1911 г. 52 ночлежных домов, рассчитанных на 8195 мест, в 1925 продолжали работать 4, где было 1067 мест. Учитывая, что население города за это время сократилось примерно на 600 тысяч человек, на себя обращает внимание тот факт, что освободившейся площади всё ещё «не хватило» на 1000 человек. Можно уверенно сказать, что проблема бездомности — не в недостатке жилья, а в несправедливом устройстве общества.

В предыдущей главе мы рассмотрели документы, запечатлевшие споры вокруг путей решения проблемы бездомных людей, где ломали копья разные наркоматы, а Моссовет отчаянно пытался оградить свою территорию от потока «иногубернских» иммигрантов. Теперь мы лучше понимаем, что именно весной и летом 1928 г. состоялась основная часть обсуждений, закончившаяся неудачей для Моссовета. Одобрение на выделение дополнительных средств на «борьбу с нищенством» не было получено, подключить соседние губернии к работе по сдерживанию и возвращению стремящихся в Москву граждан не удалось. Именно такой контекст мы можем реконструировать для решения о строительстве первого в советской истории нового здания Дома ночлега на Сущёвском Камер-Коллежском валу в Марьиной Роще [ЦГАМ. Ф. Т-2. Оп. 1. Д. 9241–9242]. В проектной документации он именуется 1-м Домом ночлега для строительных рабочих, а в 1936 году носит название 9-го Дома ночлега для строительных рабочих, а также удешевлённой гостиницы. К сожалению, в деле, хранящемся в Центральном государственном архиве г. Москвы, отсутствует пояснительная записка, что оставляет немало вопросов к тому, как должен был работать дом ночлега. Тем не менее, наиболее важные заключения мы можем сделать из анализа проектной графики, а также фотофиксации интерьеров выстроенного здания (снимки хранятся в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева).

В качестве архитектора здания выступил Александр Фуфаев, конструктивист, создавший много проектов жилых домов, и особо «специализировавшийся» на общежитиях и домах с обобществлённым бытом (по типу коммуны). Его самый известный проект — дом РЖСКТ «Дукстрой» (современный адрес Ленинградский просп., д. 26, к1, к2, перестроены), который был осуществлён непосредственно перед строительством 1-го Дома ночлега. Фуфаев работал в проектном бюро «Мосстроя», таким образом, Моссовет являлся заказчиком постройки, его же структуры отвечали за проектирование и возведение здания. Уже в мае 1929 г., т. е., всего через 9 месяцев после начала проектирования выстроенное здание было принято.

Строение, снесённое в 2007 г., имело 5–6 этажей в основных корпусах, напоминающих в плане букву Ч, которые были расположены перпендикулярно к улице на вытянутом участке. В глубине участка в виде отдельной постройки было возведено здание для прачечной, душевой и персонала, которое на уровне второго этажа соединялось железобетонным крытым переходом с основным корпусом. Основной зигзагообразный объём здания включал меньший по площади корпус дома ночлега для семейных с коридорной системой комнат на 2–5-м этажах и помещением клуба на 6-м этаже и больший корпус для холостых, где в коридор открывались просторные палаты, рассчитанные каждая на 32 койки. Несмотря на то, что мы не знаем режима работы этого учреждения, мы можем предположить, что в палатах такого размера

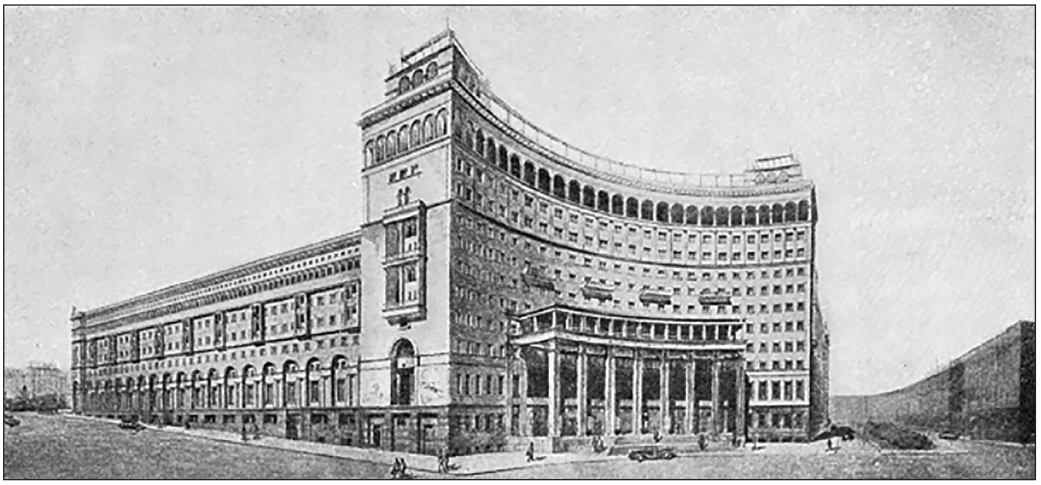
Илл. 2. Первый Дом ночлега строительных рабочих на Сущёвском валу. Почтовая карточка из серии «СССР на стройке», М.: Изогиз, 1931 г. На оборотной стороне ошибочная подпись: «Дом ночлега МУНИ в Пролетарском районе» (правильно: в Дзержинском).

Илл. 3. Центральный дом крестьянина, Москва, Б. Златоустинский пер. Фото: М. Сурмин, 1928 г. Источник: МАММ / МДФ.

не предполагалось или было как-то ограничено дневное пребывание, собственно, на это указывает и название «дом ночлега». Территорию предполагалось огородить забором, наличие его нехарактерно для проектной документации 1920-х, что свидетельствует об особом значении, придававшемся контролю за территорией, а на входе была спроектирована контрольная будка. Насколько можно судить, однако, по более поздним картам, эта охранная архитектура не была реализована. На крыше здания должна была быть установлена светящаяся электровывеска, направленная в сторону Савёловского вокзала.

Любопытно сопоставить проект конструктивистского дома ночлега в Москве с малоизвестными объектами Ле Корбюзье, который в самом начале своей карьеры оказался привлечён к проектированию Армией спасения. Было осуществлено три проекта — пристройка для ночлежки Армии спасения к Народному дворцу (Париж, 1926–1927, Ле Корбюзье и Пьер Жаннере), плавучий приют «Луиза-Катерина» (б. баржа «Льеж», Париж, 1929–1930, Ле Корбюзье при уч. Кунио Маэкава) и приют Армии спасения (Париж, Ле Корбюзье, 1929–1933). Не вдаваясь в подробности, можно отметить, что проекты Ле Корбюзье могут быть трактованы как выражающие очень высокую степень пространственного исключения — баржа-ночлежка буквально отделяет бездомных людей от города «рвом с водой», а огромное здание приюта было исполнено по системе «точного дыхания», которая

Илл. 4. Проект Центрального дома колхозника, арх. А. В. Щусев, И. Н. Лихачёв, Ю. А. Дульгиер и А. А. Мндоянц, 1933–1934.
Источник: Соколов Н. Б. А. В. Щусев. Москва, 1952, С. 274.

не предполагала ни одного открывающегося окна, вместо них были устроены витражи из стеклоблоков, а вентиляция должна была работать централизованно (эта идея, однако, провалилась, и здание было реконструировано).

В апреле 1929 г. начинает проектироваться второй советский дом ночлега, также предназначенный для строительных рабочих. В этот раз в качестве локации выбран участок напротив Киевского вокзала. В 1932 г., ещё до того, как строительство Второго дома ночлега будет закончено, его будет решено перепроектировать в более привычную гостиницу, на планировках этажей вместо палат появятся номера. Эта новая гостиница под названием Брянской, а затем Киевской также просуществует до 2000-х гг. и будет снесена.

Сотрудники Кабинета по изучению личности преступника и преступности на основании анализа статистических данных констатируют, что «российское нищенство в своём большинстве являлось и… является деревенским нищенством» [Нищенство и беспризорность, с. 18]. В 1922 году в Москве в бывшем ресторане «Эрмитаж» (современный адрес Неглинная улица, дом 29/14) был открыт Центральный дом крестьянина, который совмещал функции дешёвой гостиницы, кабинета консультаций для крестьян и агитационного клуба. В последующем он был переведён в Большой Златоустинский переулок в огромное здание бывшей «Большой Сибирской гостиницы».

В 1933–1934 проектировался Центральный дом колхозника на Каланчёвской площади рядом с тремя вокзалами. Известен проект мастерской А. В. Щусева с участием архитекторов И. Н. Лихачёва,

Таблица 1. Здания для бездомных людей сечас в и 1920-е

	Для кого (как их называют)	Условия	
Дом ночлега, сейчас	Для бездомных (бездомные граждане; лица, попавшие в трудную жизненную ситуацию; лица без определённого места жительства и занятий)	Можно находиться только ночью, место не закреплено	
Приют, сейчас	Для бездомных, которые решают свои проблемы (бездомные люди, клиенты)	Можно находиться днём, место закреплено, пока необходимо	
Хостел, сейчас	Для малообеспеченных (гости)	Можно находиться днём, место закреплено, пока гость готов платить	
Работный дом	Для бездомных (попавших в кризисную ситуацию)	Можно находиться днём, место закреплено, свободный режим, риски рабства	
Дом ночлега, 1920-е	Для малообеспеченных рабочих (ночлежники)	?	

Ю. А. Дульгиера и А. А. Мндоянца. Гостиница из трёх корпусов планировалась на 452 номера [Болдина, 2021]. Проект включал магазины, ресторан, оранжерею, зал для сельскохозяйственной выставки. На первом этаже можно было бы даже разместить образцы техники, например комбайны. Монументальный постконструктивистский главный корпус имел 12 этажей, два боковых — по семь этажей. Проект не был осуществлён (причину выяснить не удалось). Однако до сих пор в Лермонтовском сквере неподалёку стоит скульптура «Сезонник» Ивана Шадра, изображающая сезонного рабочего, прибывшего в Москву на биржу труда, которая находилась в этом месте (для сравнения можно пофантазировать о памятнике гастарбайтеру, который сегодня воздвигается на пересечении Дмитровского шоссе и МКАД, а автором его является, например, Салават Щербаков).

В 1937 г. Моссовет планировал постройку трёх новых домов ночлега для колхозников в рамках большой программы реконструкции и благоустройства московских рынков, которая включала строитель-

	Оплата	Пример
	Бесплатно	**Государственный** (Государственного казенного учреждения г. Москвы Центра социальной адаптации для лиц без определенного места жительства и занятий имени Е. П. Глинки Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы): Приёмное отделение и палатка обогрева **Благотворительный**: Пункт обогрева «Ночлежки» в Москве
	Бесплатно	**Государственный** (Государственного казенного учреждения г. Москвы Центра социальной адаптации для лиц без определенного места жительства и занятий имени Е. П. Глинки Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы): в Москве 4 отделения — Востряково, Косино-Ухтомское, Ясенево, Дмитровское **Благотворительный**: «Ночлежка»
	Небольшая плата	Поисковой запрос «хостел» в приложениях с картами
	Жильё за работу	Объявления на улицах
	Небольшая плата	9-й Дом ночлега строительных рабочих на Сущёвском валу

ство крытых павильонов, складов, холодильников, асфальтирование участков, устройство санитарии и станций контроля качества продукции. Неясно, были ли осуществлены эти планы, но хорошо известно, что дома колхозника работали как гостиницы при рынках во многих городах СССР ещё много десятилетий. Отчасти их существование было связано с отсутствием у колхозников полноценных паспортов и права свободно передвигаться по стране, так что дома ночлега вероятно выполняли и эту «полицейскую» функцию.

Таким образом, даже не претендуя на оценку эффективности этой меры, которая требует отдельного исследования, мы можем сказать, что профилактика бездомности была одной из центральных идей в работе советской власти по отношению к проблеме. Она была направлена на предупреждение перехода добросовестных трудящихся, по преимуществу, крестьян, оказывающихся в чуждом для них социальном пространстве, в положение бездомных. Эта работа была основана на социологических данных, и похоже, проводилась

не по распоряжению с вершины центральной власти, а напротив, требовала отстаивания своих интересов со стороны множества интересантов.

Заключение

«Случайные» источники документируют повседневность людей, жизнь которых в 1920–1930-е обычно скрывается словами о последствиях «разрухи» и «жилищной нужде», по сути, являющихся сталинистскими эвфемизмами явной или скрытой бездомности. Такие свидетельства (не все они могли быть представлены в настоящей статье), полученные вне контекста борьбы с бездомностью, могут в дальнейшем, по мере их накопления, отразить сложную картину отношения к дому и его отсутствию в раннесоветском обществе. Но уже сейчас они, без всяких оговорок, позволяют утверждать, что бездомность в Советском Союзе 1920–1930-х существовала, причём именно под этим названием в языке акторов снизу, ставящих эту проблему перед обществом и властью, в отличие от языка центральной власти, пытающейся внедрить понятие «взрослой беспризорности».

Дальнейшие исследования могли бы более подробно описать очень разнообразные сообщества явно и скрыто бездомных — от «обманутых пайщиков» жилкооперативов до крестьян, бежавших в города от коллективизации. Нуждается в более глубоком изучении проблема пересечения понятий нищеты и бездомности. Сознательно или нет, под советским понятием нищеты объединяется большая группа явлений, одно из которых — бездомность. Обращает внимание табуирование понятия бездомности в официальном советском дискурсе, при том, что нищета оказывается легитимным термином, в то время, как в современной России ситуация представляется ровно обратной, что может говорить о разных механизмах конструирования властных отношений.

Наконец, интерпретация борьбы советской власти с бездомностью в духе репрессивного пространственного контроля должна быть представлена сложнее благодаря выявленным противоречиям между акторами внутри системы высшей государственной власти и малоисследованным планам и делам советской власти в области исследования и профилактики бездомности и помощи бездомным людям — среди них работы Кабинета исследования личности преступника и преступности в области изучения нищенства, проекты кампаний по борьбе с нищенством, а также строительство новых конструктивистских домов ночлега с общественным и культурным компонентом для профилактики бездомности у уязвимых категорий — приезжих строительных рабочих.

Литература

1. *Артемьев, Н.* Образцово сохранить овощи // Вечерняя Москва. 16 августа 1938. № 187.
2. *Байбурин, А.* Курс (6 лекций). Зачем нужны паспорт, ФИО, подпись и фото на документы. / Arzamas. 24 мая 2018. [Online] <https://arzamas.academy/courses/54> [Дата обращения] 20.11.2024.
3. Вся Москва. Адресный справочник. 1930.
4. ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 1. Д. 3429. Постановления Совнаркома РСФСР и проект инструкции Народного комиссариата социального обеспечения о порядке борьбы с нищенством и заключение Наркомпроса РСФСР по проекту инструкции. Л. 10.
5. ГАРФ. Ф. А259. Оп. 9б. Д. 757. Проект постановления СНК РСФСР о мероприятиях по оказанию помощи лицам, впавшим в нужду и по борьбе с нищенством.
6. ГАРФ. Ф. А259. Оп. 40сч. Д. 769. Проект циркуляра ВЦИК о порядке борьбы с нищенством и заключения народных комиссаров по этому же вопросу.
7. ГАРФ. Ф. А259. Оп. 40сч. Д. 901. Постановления Президиума ВЦИК и Совнаркома РСФСР о борьбе с нищенством, беспризорностью, и помощи лицам, впавшим в нужду, и о высылке из г. Москвы профессиональных нищих, принадлежащих к преступным элементам; заключения народных комиссариатов Социального обеспечения, Труда, Юстиции и Внутренних дел по тем же вопросам.
8. ГАРФ. Ф. А391. Оп. 8. Д. 286. Дело по ходатайству Наркомсобеса РСФСР о привлечении органов социального страхования к участию в расходах по борьбе с нищенством и проституцией. Л. 11.
9. ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 65. Д. 32. Переписка с Социально-культурной секцией Госплана РСФСР о борьбе с проституцией и нищенством. Л 1–4.
10. ГАРФ. Ф. Р3302. Оп. 1. Д. 138. Переписка с биржей труда, Московским отделом коммунального хозяйства, Междуведомственной комиссией по борьбе с нищенством, взрослой беспризорностью и временно впавших в нужду и другими учреждениями о постановке на учет безработных ассирийцев, разрешении открыть фруктовый ларек, о выдаче денег нуждающимся ассирийцам на проезд и по другим вопросам.
11. ГАРФ. Ф. Р-5462. Оп. 14. Д. 295. Цит. по.: Долгова, Е. А. Квартирный вопрос для научных работников. От дома-коммуны к жилищному кооперативу // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 4.
12. *Горбачёв, О. В.* Концепция советского пространства: от материальности к мифу / Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 151–164.
13. *Дуднев, А. С.* История советской жилищно-строительной кооперации. Готовится к печати, текст предоставлен автором.
14. *Жирнов, Е.* Интервью с Николаем Смородиным. Зона паспортного режима // Коммерсантъ Власть (журнал). 20.01.2003. [Online] <https://www.kommersant.ru/doc/359662> [Дата обращения] 20.11.2024.
15. *Зубкова, Е. Ю.* «Бедные» и «чужие»: нормы и практики борьбы с нищенством в Советском Союзе. 1940–1960-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 11. Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. Ю. А. Петров, ред.-коорд. Е. Н. Рудая. М., 2013.
16. Интервью с Еленой Болдиной. Пантеон и Дом колхозника. Рассказываем о грандиозных, но нереализованных проектах советского времени. / Сайт Mos.ru. 7 июня 2021. [Online] <https://www.mos.ru/news/item/91719073/> [Дата обращения] 20.11.2024.
17. *Лисицкий Л.* Культура жилья // «Строительная промышленность». 1926. № 12. С. 877-881.

18. Нищенство и беспризорность (сборник Московского Кабинета по изучению личности преступника и преступности), М.: Издательство Мосздравотдела, 1929.
19. Попов, Н. (Сибиряк). Состояние жилищного дела к 10-летию Октября // Строительство Москвы. 1927. № 10. С. 10.
20. Случайно обнаружен посёлок // Вечерняя Москва. 14 декабря 1928. № 290.
21. ЦГА г. Москвы, №:№: А-2-7367, А-2-7368, А-2-7369, А-2-7370, А-2-7371.
22. *Fitzpatrick, S.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s, 1999 .
23. *Stephenson, S.* Crossing the line: vagrancy, homelessness and social displacement in Russia. London: Ashgate, 2006.
24. *Widdis, E.* To Explore or Conquer? Mobile Perspectives on The Soviet Cultural Revolution // Dobrenko Evgeny, Naiman Eric (Eds.). The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space. Seattle — London, 2003. P. 219–241.

Konstantin Gudkov

Homelessness during Constructivism

Konstantin Gudkov — historian, independent researcher, co-author of the Telegram channel Center 1931. **E-mail:** kmgudkov@gmail.com.

Abstract: The article provides evidence supporting the existence of both overt and hidden homelessness in the USSR during the 1920s and 1930s, based on a spectrum of spaces inhabited by individuals lacking stable housing. It examines the initial governmental initiatives aimed at addressing homelessness and vagrancy. Alternative frameworks for understanding the management of homelessness in the USSR, beyond the repressive model, are proposed. Additionally, the article analyzes projects related to constructivist accommodation houses.

Keywords: Homelessness, hidden homelessness, shelter, accommodation houses, housing cooperation, constructivist architecture, social welfare, stalinism

References

1. All Moscow. Address Directory. 1930. (In Russ.)
2. *Artemyev, N.* Exemplary Vegetable Inventory / Evening Moscow. August 16, 1938. No. 187. (In Russ.)
3. Begging and Homelessness (Collection by the Moscow Cabinet for the Study of the Personality of the Criminal and Crime). (1929). Moscow: Moszdravotdel Publishing. (In Russ.)
4. Baiburin, A. (2018). Course (6 lectures). Why Do We Need a Passport, Full Name, Signature, and Photo for Documents. / Arzamas. May 24. [Online] <https://arzamas.academy/courses/54> [Date of access] 20.11.2024. (In Russ.)
5. CGA of Moscow, No.: A-2-7367, A-2-7368, A-2-7369, A-2-7370, A-2-7371. (In Russ.)
6. *Dudnev, A.S.* History of Soviet Housing and Construction Cooperation (forthcoming, text provided by the author) (In Russ.)
7. *Fitzpatrick, S.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s, 1999.
8. GARF. F. A2306. Op. 1. D. 3429. Decrees of the Council of People's Commissars of the RSFSR and Draft

Instructions from the People's Commissariat for Social Welfare on the Procedure for Combating Begging and the Conclusion of the People's Commissariat of the RSFSR on the Draft Instructions. p. 10. (In Russ.)

9. GARF. F. A259. Op. 9b. D. 757. Draft Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR on Measures to Aid Those in Need and to Combat Begging. (In Russ.)
10. GARF. F. A259. Op. 40sch. D. 769. Draft Circular of the All-Russian Central Executive Committee on the Procedure for Combating Begging and Conclusions of the People's Commissars on the Same Issue. (In Russ.)
11. GARF. F. A259. Op. 40sch. D. 901. Decrees of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR on the Fight Against Begging, Homelessness, and Assistance to People in Need, and the Expulsion from Moscow of Professional Beggars Belonging to Criminal Elements; Conclusions of the People's Commissariats of Social Welfare, Labor, Justice, and Internal Affairs on the Same Issues. (In Russ.)
12. GARF. F. A391. Op. 8. D. 286. Case on the Petition of the RSFSR People's Commissariat for Social Welfare for the Involvement of Social Insurance Agencies in Expenses for Combating Begging and Prostitution. p. 11. (In Russ.)
13. GARF. F. R393. Op. 65. D. 32. Correspondence with the Social and Cultural Section of the RSFSR State Planning Committee on Combating Prostitution and Begging. pp. 1–4. (In Russ.)
14. GARF. F. R3302. Op. 1. D. 138. Correspondence with the Labor Exchange, Moscow Department of Communal Services, Interdepartmental Commission on the Fight Against Begging, Adult Homelessness, and Temporarily Needy Persons, and Other Institutions on Registering Unemployed Assyrians, Permitting a Fruit Kiosk, Providing Money to Needy Assyrians for Travel, and Other Issues. (In Russ.)
15. GARF. F. R-5462. Op. 14. D. 295. Cited in: Dolgova, E. A. Housing Issue for Researchers: From the Communal House to the Housing Cooperative / Izvestiya of Ural Federal University. Series 2. Humanities. 2021. Vol. 23, No. 4. (In Russ.)
16. Gorbachev, O.V. (2018). The Concept of Soviet Space: From Materiality to Myth // Soviet Project. 1917–1930s: Stages and Mechanisms of Implementation: Collection of Scientific Papers. Yekaterinburg: Ural University Press. P. 151–164. (In Russ.)
17. Interview with Elena Boldina. Pantheon and the House of the Collective Farmer. Talking About Grandiose but Unrealized Soviet-Era Projects. (2021) // Mos.ru website, June 7. [Online] <https://www.mos.ru/news/item/91719073/> [Date of access] 20.11.2024. (In Russ.)
18. *Lissitzky, E.* The Culture of Housing // Construction Industry, 1926, No. 12. P. 877-881 (In Russ.)
19. *Popov, N. (Siberyak) (*1927). The State of Housing Affairs on the 10th Anniversary of October // Moscow Construction. No. 10. P. 10. (In Russ.)
20. Settlement Accidentally Discovered / Evening Moscow. December 14, 1928. — No. 290. (In Russ.)
21. *Stephenson, S.* Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness, and Social Displacement in Russia. London: Ashgate, 2006.
22. *Widdis, E.* To Explore or Conquer? Mobile Perspectives on The Soviet Cultural Revolution / Dobrenko, Evgeny, Naiman, Eric (Eds.). The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space. Seattle–London, 2003. pp. 219–241.
23. *Zhirnov, E.* (2003). interview with Nikolay Smorodin. Passport Regime Zone // Kommersant Vlast (magazine). January 20. [Online] <https://www.kommersant.ru/doc/359662> [Date of access] 20.11.2024. (In Russ.)
24. *Zubkova E.Yu.* 'Poor' and 'Foreign': Norms and Practices in the Fight Against Begging in the Soviet Union, 1940s–1960s // Proceedings of the Institute of Russian History. Issue 11. Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History; chief editor Yu. A. Petrov, coordinating editor E. N. Rudaya. Moscow, 2013. (In Russ.)